

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 13—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 13—20.

Научная статья

УДК 821.111(73)(093.3)

DOI: 10.46726/И.2024.2.2

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ТРАВЕЛОГЕ Г. МЕЛВИЛЛА «ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ В ЕВРОПУ И ЛЕВАНТ, 11 ОКТЯБРЯ 1856 — 6 МАЯ 1857»

Камила Саматовна Каталиева

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
katalieva.kamila@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфики колониального дискурса в травелоге Г. Мелвилла «Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857». Определены доминантные дискурсивные стратегии и устоявшиеся колониальные стереотипы воспроизводства национального образа Константинополя как образа Другого, Чужого. Травелог — основной жанрообразующей чертой которого является стремление к достоверному изображению мира Другого, Чужого, пропущенного, однако, всегда через субъективное восприятие Путешественника — предоставляет обширный материал для колониальных и постколониальных исследований. Мелвилла поистине можно назвать Путешественником с большой буквы, его безудержная юность была наполнена невероятными приключениями, в которых он получил огромное количество впечатлений. Именно они станут впоследствии бесценным материалом для его творчества. Определены составляющие колониального нарратива Мелвилла в его ориенталистском травелоге «Дневник путешествия в Европу и Левант...»: этноцентричность; оппозиция «Я / Другой, Чужой», или «Свой / Другой, Чужой»; ретроспективный модус как своеобразная временная перспектива восприятия пространства; нарочитое поэтизирование ландшафта как стратегия символического «присвоения» территории и повествование об авантюрном приключении.

Ключевые слова: колониальный дискурс, травелог, Мелвилл, Константинополь, Ближний Восток, ориентализм

Для цитирования: Каталиева К.С. Колониальный дискурс в травелоге Г. Мелвилла «Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 13—20.

Интерес к травелогу, или литературе путешествий, в последнее время возрастает как в литературоведении, так и в других гуманитарных науках: истории, антропологии, социологии. Особое место этот жанр занимает в колониальных и постколониальных исследованиях. Благодаря многочисленным художественным произведениям английских и французских авторов, содержащим описание их путешествий по Азии, Африке и другим странам, возможно проследить историю становления европейской колониальности.

Сам Г. Мелвилл — это один из тех писателей, чье творчество вообще можно назвать большим травелогом, а жизнь — путешествием. Уже с раннего детства он желал увидеть весь мир и оставался верен себе на протяжении всей дальнейшей жизни. Новизна этого исследования заключается в первом

© Каталиева К.С., 2024

серьезном обращении к тексту травелога Мелвилла «Дневник путешествия в Европу и Левант 11 октября 1856 — 6 мая 1857» с целью проведения анализа нарождающегося в XIX веке американского колониального дискурса и структурирования образа Константинополя в его контексте. В отечественном литературоведении подобные труды не представлены. Кроме того, несмотря на то, что в советском и российском литературоведении существует большое количество исследований, посвященных произведениям Мелвилла (Т. Сильман, А. Елистратова, А.И. Старцев, А.Н. Николокин, Ю.В. Ковалев, А.М. Зверев, Е.Г. Габуня, В.А. Камышанов, В.Г. Дукельская, Н.В. Ратушинская, И.Л. Новиченко) — американского писателя, поэта и моряка — его путевые очерки специально не изучались.

Нет необходимости говорить, что Константинополь не раз становился предметом описаний в предшествующей Мелвиллу колониальной литературе Европы. Однако Мелвилл стал одним из первых американских писателей, кто сделал столицу Османской империи предметом художественной рефлексии. Вслед за ним немало его соотечественников обращались к этому городу. О Константинополе писали такие крупные американские писатели, как М. Твен, Э. Хемингуэй, Д. Дос Пассос, Дж. Болдуин, М.Л. Сеттл и др.

Существует небезызвестное мнение американского литературоведа палестинского происхождения Э. Саида, что восприятие крупнейшего города Турции и в целом Ближнего Востока авторами из Европы и США отражает «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”» [Саид: 9] и названный им самим *ориентализм*. Однако Саид подчеркивает, что с начала XIX века и до окончания Второй мировой войны Франция и Англия являлись «нациями-пионерами» в сфере исследований Востока. Америка же сменит их только после Второй мировой войны. До того момента американский опыт Востока имел сугубо примитивный характер. Так, в качестве примера он упоминает самого Мелвилла как «отдельного чудака» [Там же: 448], который являлся одним из первых американских авторов, заинтересовавшихся Востоком. Помимо него он пишет также о «цинике» [Там же] Марке Твене, американских трансценденталистах, обнаруживавших связь между индийской мыслью и собственной, теологах и исследователях Библии, изучавших библейский Восток, Берберийских войнах, экспансии США на Дальнем Востоке и об Американской миссионерской ассоциации. Тем более представляется интересным рассмотреть, как сформировался образ Константинополя в период, когда еще не завершилось собственно оформление государственности США, какие черты доминировали в этом образе Другого, Чужого.

Одна из основных идей Саида заключается в том, что изначально интерес к Востоку возбудила именно культура, которая впоследствии начала сосуществовать наряду с политическими мотивами. Оттого и сам ориентализм представляется историку литературы неким «обменом» между авторами Франции, Англии и Америки, так как на их «интеллектуальной и имажинативной территории это письмо (writing) создавалось» [Там же: 28]. Вполне возможно, что в мелвилловском кругу константинопольского чтения присутствовали такие наиболее известные произведения крупных представителей эпохи романтизма, как «Восточные поэмы» (1813—1816) Дж. Г. Байрона, «Западно-восточный диван» (1819) И.В. Гёте, «Восточные мотивы» (1829) В. Гюго, «Константинополь» (1853) Теофиля Готье, «Граф Роберт Парижский» (1832) В. Скотта и другие. Все они были созданы примерно в то же время, что и его

«Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857». Кроме того, в своем травелоге Мелвилл даже сам упоминает одно из самых популярных ориенталистских произведений того времени — роман голландского и британского публициста Т. Хоупа «Анастасиус» (1817). В течение нескольких недель после публикации это произведение было переиздано трижды и высоко оценено В. Ирвингом и Дж. Г. Байроном. Однако наряду с оригинальностью мыслей и прекрасным слогом «Анастасиус» обладает огромной ценностью в качестве подлинного источника по истории Османской империи второй половины XVIII века. В 1787 году Хоуп отправился в продолжительное путешествие по Европе и Османской империи. Около года он прожил в Константинополе. Помимо Балкан и Греции он посетил арабские провинции. Своеобразным концом путешествия стал труд «Анастасиус» в трех томах. Автор повествует в произведении о жизни главного героя Анастасиуса с 1762 по 1798 год. Будучи рожденным в семье османского грека, Анастасиус стал мусульманином и обрел новое имя — Селим. Он предстает перед читателем как отважный воин и страстный любовник.

Находившийся на подступе к Константинополю со стороны моря, Мелвилл как раз и вспомнил прочтенный им роман с целью сопоставить изложенное описание, впоследствии широко цитировавшееся в других произведениях, и реальность. Пытаясь найти некое подтверждение уже устоявшемуся взгляду на город, он избирает несколько поверхностный путь и создает таким образом колониальный нарратив:

Появление Константинополя со стороны моря описывается как нечто великолепное. Почитайте «Анастасиус». Однако в книге нет того, что я увидел. Туман поднялся только над окраинами города, расположенными на полуострове, оставляя возвышенную, как бы коронную часть города завернутой в пелену. Я сумел рассмотреть основание стены святой Софии, но сам купол оставался невидимым. В его словно застенчивом появлении было что-то вроде кокетства, оставляющего место для игры воображения, придающего сцене более возвышенный смысл. Константинополь, подобно своим султаншам, представился закутанным в чадру. Видение Константинополя, вставшего из тумана, производило волшебное впечатление [Мелвилл: 116].

Приведенный фрагмент любопытен еще тем, что в нем Мелвилл восхищенно сравнивает Константинополь с населяющими его женщинами, воспроизводя широко известный стереотип об их таинственности и еще более поддерживая тем самым колониальный дискурс. В мужских травелогах колониальный нарратив постоянно сексуализируется через обретение Востоком феминных черт. На это обращает внимание и Саид, упоминая об употреблении в колониальном дискурсе «метафор глубины, таинственности и сексуального обещания» и образа по-женски загадочного Востока. В своем травелоге Мелвилл впоследствии не раз восхищается красотой восточных женщин:

Красота человеческих лиц. Безобразные женские лица редки. Примечательно, насколько эти расы превосходят нас в этом отношении. Из каждого второго окна выглядывают лица (греческие, еврейские, армянские), которые в Англии и Америке стали бы центром внимания любого бала. <...> Из хибар выглядывают прекрасные девушки, словно лилии и розы, растущие в разбитых горшках. Выглядят робкими и застенчивыми [Там же: 123].

Мелвилл не оставляет без внимания и мужчин на Востоке, воспроизводя их образы также в несколько клишированном виде. Они представляются ему дикими и своенравными варварами, глубоко покорными лишь Богу:

Пожилой турок (ветеран Синопа). Я сказал ему: «Дело дрянь». «Все в руках господ», — ответил он и раскурил свою трубку с видом благочестивого смирения [Там же: 116].

Колоссальные сарадины. Наблюдал за учениями турецких солдат. Неудачная попытка дисциплинировать жителей преисподней [Там же: 125].

В основном местное население в травелоге представлено Мелвиллом как некая обезличенная, нищая и грязная масса гигантского размера. Будучи настолько пораженным разношерстностью общества Константинополя, он сравнивает его с Вавилоном. Так, помимо турок Мелвилл наблюдает на его улицах грузин, евреев, армян, греков и др. Столица Османской империи буквально атакует все его органы чувств своим насыщенным местным колоритом и разноголосицей:

На причале часа два наблюдал за движением огромной толпы. В это время австрийский пароход из Константинополя входил в гавань с большим количеством палубных пассажиров-бедняков: турок, греков, евреев и т. д. Они съехали на берег в лодках, заваленных грудями пыльного барахла, с которого, казалось, так и сыпалась чума. Рев голосов носильщиков и ссоры из-за багажа. Вообразите чудовищное скопление оборванцев всех национальностей и все цвета радуги, переливающиеся в массе густой толпы. Носильщики борются за обладание огромными тюками и связками тряпок; толпа жестикулирует разнообразнейшими способами, спорит на всех языках мира. Всплески вокруг лодок, приткнувшихся к берегу [Там же: 113].

Градостроительный план Константинополя разочаровывает Мелвилла. Он отмечает непоследовательную застройку улиц в этом городе, отсутствие в нем садов, парков и других сред, в которых материалом является ландшафт. Подобные замечания Мелвилла не только демонстрируют зрелый, созерцательный, изучающий нарратив, свойственный колониальному мышлению, но и вскрывают его национальную ментальность, поддерживающую дихотомию «Свой / Другой». Родившись и прожив довольно долго в крупнейшем городе США — Нью-Йорке, он всегда наблюдал простор и привык к открытому пространству. Стрит, авеню, лейн, корт, драйв — это всего лишь несколько подвидов улиц в США в XIX веке. К середине 1850-х годов в крупных штатах США существуют Вашингтон-Сквер-Парк, Центральный парк, Проспект-парк и другие.

Путаница улиц. Отправился в одиночку в Константинополь и после ужасно долгой ходьбы очутился в том самом месте, откуда начал свое путешествие. Будто заблудился в лесу. Нет плана улиц. Карманный компас. <...>. Улицы не имеют названий словно аллеи в рощах. Нет номеров. Ничего [Там же: 117].

Полнейшее отсутствие открытого пространства — никаких скверов или парков. Задыхаешься от недостатка пространства. Негде разойтись [Там же: 120].

Мелвилл был обескуражен не только расположением улиц, но и самим их видом. Его крайне огорчают обветшалые дома, находящиеся на них. Наряду с нищетой Мелвилл отмечает навязчивое попрошайничество на улицах Константинополя. Здесь ему внушают страх как преступники, так и собаки. Многочисленные описания следов грязи, последствий бедности и страха быть обокраденным или убитым в одном из темных переулков узких улиц Константинополя воспроизводят одновременно колониальный дискурс и самоощущение Мелвилла.

В середине пятидесятых годов в его творчестве наравне с отрешенностью усиливается и социально-критическая направленность. Подтверждением тому является упомянутый А. Елистратовой в предисловии к роману Г. Мелвилла «Израиль Поттер. Пятьдесят лет его изгнания» (1966) публицистический

очерк-памфлет «Пудинг бедняка и крошки богача» (1854) и высказывание самого Мелвилла: «Мука и унижение бедности... есть, были и будут совершенно одинаковы в Индии, в Англии и в Америке» [Елистратова: 7].

Ужасный, трагический вид улиц. Трухлявые, мрачные дома. Они выглядят настолько угрюмо и угрожающе, что кажется, будто внутри их с каждого стропила свешивается самоубийца [Мелвилл: 120].

Ночь провел в номере. Выходить опасно из-за разбойников и убийц. Проклятие этих мест [Там же: 116—117].

Временами слышны ужасные вопли. По ночам собачьи драки. Довольно неприятно наткнуться на такую свору в заброшенном переулке [Там же: 130].

Наиболее примечательным и ярко иллюстрирующим колониальный нарратив является фрагмент, в котором Мелвилл почувствовал себя на непродолжительное время героем приключенческого романа Ф. Шиллера «Духовидец» (1787), который так же, как и американский писатель, вынужден был скрываться от пристального взора злоумышленника:

Отпустив гида, два или три часа подвергался преследованию со стороны какого-то ужасного грека и его сообщников. Они ходили за мной по пятам по всем закоулкам базара. Я не мог ни пугнуть их, ни убежать. Начал ощущать беспокойство; вспомнил, что наибольший интерес в шиллеровском «Духовидце» вызывает эпизод, когда в Венеции героя преследует армянин. Таинственное, настойчивое и молчаливое сопровождение [Там же: 124].

Уже в ранних травелогах авторы создавали преимущественно увлекательные повествования своих приключений в чужой стране или, как минимум, истории тех трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Зачастую эти приключения описывались как опасные, что подчеркивало враждебность атмосферы Другого и усиливало оппозицию «Я / Другой».

В своем взаимодействии с местной культурой Мелвилл порой проявляет любознательность, восхищение и живой интерес. Так, он преклоняется перед масштабом Софийского собора, ныне известного как Большая мечеть Айя-София:

Великолепный интерьер. Драгоценный мрамор. Древний порфир и крапчатый мрамор. Внушительные размеры сооружения. Имена пророков, начертанные огромными буквами [Там же: 117].

Однако уже следующий его комментарий имеет колониальную направленность. Рассуждая о другой культуре, он тем не менее пребывает в своей «системе координат»:

В общем атмосфера большого католического собора [Там же].

Хотя Мелвилл обнаруживает острый ум и наблюдательность, характеризуя своих соотечественников, он демонстрирует ограниченность и стереотипность мышления, интерпретируя явления другой культуры. Отклонения от нормы западной цивилизации трактуются как «странные». Во время посещения второй по значимости мечети Константинополя — мечети Сулеймание — он, вероятно, застал процесс совершения мужчинами намаза — обязательной пятикратной молитвы в исламе:

Снял обувь, вошел внутрь. Этот обычай отличается большим смыслом, чем обнажение головы. Пыльная обувь; головы чисты всегда. <...>. Много молящихся турок, кланяющихся в сторону некоего сооружения, напоминающего алтарь. Бормотание нараспев. <...>. Фонтаны (целый ряд) снаружи вдоль стен мечети для омовения рук и ног верующих перед тем, как войти внутрь. Естественный камень. Вместо того чтобы войти в носках (как я), турки надевают что-то вроде галош, которые оставляют снаружи [Там же: 119—120].

Мелвилл обращает внимание на то, что турки оставляют обувь при входе и ступают в мечеть босиком, а не в носках, демонстрируя тем самым отсталость их поведения. Однако мусульмане, оставляя при входе обувь, проявляют тем самым соблюдение выработанных предписаний.

Прогуливаясь далее по Константинополю и обозревая его достопримечательности, Мелвилл преимущественно отмечает памятники дотурецкого времени и пытается ощутить дух бессмертного Древнего Рима в них. Проезжая под одной из арок моста Акведук Валента, в настоящее время Боздоган, Мелвилл будто оказывается в Древнем Риме, в котором отсутствуют убогие хижины Константинополя:

В этих высоких арках, поросших плющом и обмытых дождями, кажется, жив еще дух Рима, полный презрения к жалким лачугам Стамбула [Там же: 122].

Развиваясь в культуре США, в которой был укоренен взгляд на Рим как на родину демократического правления, он, безусловно, ценит больше Древний Рим, нежели Османскую империю. Подобный взгляд обесценивает местное население и его культуру в их текущем наблюдаемом состоянии и отражает ретроспективность модуса его восприятия, в рамках которого существенным является не происходящее в настоящий момент, а героическое прошлое территории [Mills: 5].

Описания ландшафта превалируют над остальным содержанием в травелогге. Покинув центр, Мелвилл предается неутомимому созерцанию девственной природы Константинополя и наслаждается ее первозданностью. Особое внимание он обращает на удивительную растительность столицы. Он упоминает кедры, кипарисы, мирты. Первый описательный пассаж примечателен тем, что содержит метафоричность и философскую рефлексию одновременно. Во втором Мелвилл сопровождает описание исторической справкой, демонстрируя тем самым свою эрудицию. М.Л. Пратт обнаруживает в художественных описаниях природы и достопримечательностей, столь характерных для «Дневника путешествия в Европу и Левант 11 октября 1856 — 6 мая 1857», попытку наблюдающего «овладеть» или «присвоить» себе то, что он увидел [Pratt: 215]. По ее мнению, «эстетические качества ландшафта составляют социальную и материальную ценность этого “открытия” для родной культуры путешественника» [Ibid: 216]. Однако при подобном семантическом «освоении» пространства люди, присутствующие в нем, отстраняются вплоть до полного исчезновения. Авторы стараются максимально наделить описания смыслом, обогащая их всевозможными литературными и историческими аллюзиями.

Кипарисы — зеленые минареты, перемежающиеся с каменными. Форма минарета (возможно) заимствована у кипариса. Чередование темной листвы дерева с яркими шишьями выразительно подчеркивает контраст между жизнью и смертью [Мелвилл: 126].

В общем все путешествие вверх по Гелеспонту оказалось приятным. Тем не менее я не испытал особого энтузиазма, хотя мы и прошли мимо того места, где Ксеркс воздвигал мосты, устье Граникуса и т. д. Все же, думалось мне, султан владеет величественными подступами к столице. Прихожие составлены из морей, озер, коридоров и великолепных проливов [Там же: 115].

Противопоставление и сопоставление себя и Другого порой явственно проступает в колониальном нарративе Мелвилла. Однако, соотнося культуру и ландшафт Америки и Турции между собой, он не пишет о том, кто является на порядок выше.

Опоздал на танцы дервишей. Видел их монастырь. Вспомнил наших трясунов* [Там же: 122].

Берег Босфора. Напоминает Бруклинские высоты [Там же].

Он сравнивает Турцию не только с Америкой, но и с Англией. В 1849 году он отправился в Лондон и отразил свои впечатления от пребывания в этом городе в идентичном травелоге. Рассматривая Колонну Константина, Мелвилл сравнивает архитектурные здания и сооружения Константинополя с английскими образцами, подчеркивая, однако, явное превосходство первых. Можно предположить, что Турция в восприятии Мелвилла определенно находится на одну ступень ниже, чем Америка, но не ниже, чем Англия. Возможно, в Мелвилле тут проявилось традиционное противостояние Америки своей бывшей метрополии. К тому же ввиду своей экзотической направленности Восток будоражит и пленяет воображение Мелвилла как истинного представителя романтизма.

Черная, довольно мрачная, скрепленная на макушке железными обручами. Она возвышается над сборищем ветхих деревянных домишек. Монумент, воздвигнутый в честь пожара, более впечатляющий, чем такой же в Лондоне [Там же: 118].

Мосты Константинополя намного живописнее лондонских. Контраст между лондонским мостом и этими [Там же: 123].

Таким образом, несмотря на ряд индивидуальных особенностей, в своем травелоге «Дневник путешествия в Европу и Левант 11 октября 1856 — 6 мая 1857» Мелвилл почти неуклонно следует общей традиции колониального травелога, воспроизводя его доминантные дискурсивные стратегии и стереотипизированные для своего времени представления. Его нарратив этноцентричен в дихотомиях «Я / Другой, Чужой», или «Свой / Другой, Чужой», «Опасность / Безопасность», «Цивилизация / Дикость, Варварство», в результате чего возникает противопоставление Америки и Турции, где последняя страна проигрывает в сравнении с первой. Мелвилл преимущественно пребывает в ретроспективном модусе, т. е. воспринимает пространство в контексте его исторического прошлого и принижает настоящее. насыщая текст выразительными описаниями ландшафта и местных достопримечательностей Константинополя с употреблением литературных и исторических аллюзий, Мелвилл реализует стратегию символического «освоения» инокультурного пространства. Мрачная и тревожная атмосфера Другого поддерживается с помощью приключенческих историй, сопряженных с риском и страхом смерти.

Источники

Мелвилл Г. Энкантас, или Очарованные острова: Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857 / пер. с англ. В.Н. Кондратьева и Н.В. Димичевского. М.: Мысль, 1979. 233 с.

Мелвилл Г. Израиль Поттер. Пятьдесят лет изгнания. М., 1966. 303 с.

Список литературы / References

Елистратова А. Предисловие // Мелвилл Г. Израиль Поттер. Пятьдесят лет его изгнания. М., 1966. С. 3—23.

(Elistratova A. Preface, *Melville G. Israel Potter. Fifty Years of Exile*, Moscow, 1966, pp. 3—23. — In Russ.)

---

* Речь идет об Объединенном сообществе верующих во Второе Пришествие Христа (United Society of Believers in Christ's Second Appearing — USBCSA). В Америке их называли просто «трясущимися» — шейкерами, так как они открыто практиковали экстатические танцы во время богослужений.

- Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говоруннова. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
(Said Edward W. Orientalism. Western Conceptions of the Orient, transl. from English by A.V. Govorunov, St. Petersburg, 2006, 636 p. — In Russ.)
- Mills S. Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism, London; New York: Routledge, 1993. 240 p.
- Pratt M.L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London; New York: Routledge, 2007, 296 p.

**COLONIAL DISCOURSE IN H. MELVILLE'S TRAVELOGUE
“JOURNAL OF A VISIT TO EUROPE AND THE LEVANT,
OCTOBER 11, 1856 — MAY 6, 1857”**

Kamila S. Katalieva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
katalieva.kamila@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the specifics of colonial discourse in H. Melville's travelogue “Journal of a Visit to Europe and the Levant, October 11, 1856 — May 6, 1857”. Dominant discursive strategies and well-established colonial stereotypes of reproducing the national image of Constantinople as an image of the Other is defined. Travelogue, the main genre-forming feature of which is the desire for an authentic depiction of the world of the Other, missed, however, always through the subjective perception of the Traveler, provides extensive material for colonial and postcolonial studies. Melville can truly be called a Traveler with a capital letter, whose unrestrained youth contains incredible adventures and a huge number of impressions received from them. They will later become invaluable materials for his work. The components of Melville's colonial narrative in his orientalist travelogue “Journal of a Visit to Europe and the Levant, October 11, 1856 — May 6, 1857” are defined: ethnocentricity; the opposition “Self / The Other”; retrospective mode as a kind of temporary perspective of perception of space; deliberate poetization of the landscape as a strategy for symbolic “appropriation” of territory and a narrative about an adventure.

Keywords: colonial discourse, travelogue, Melville, Constantinople, the Middle East, orientalism

For citation: Katalieva K.S. Colonial discourse in H. Melville's travelogue “Journal of a Visit to Europe and the Levant, October 11, 1856 — May 6, 1857”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 13—20.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Каталиева Камила Саматовна — магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, katalieva.kamila@mail.ru

Katalieva Kamila Samatovna — graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, katalieva.kamila@mail.ru